



Лектор:
Алексей Беглов,
кандидат исторических наук

Русское старчество в XIX веке

Русское старчество с легкой руки Достоевского, который вывел образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», для мировой культурной общественности стало своего рода квинтэссенцией русской духовной культуры. Что же такое старчество с исторической точки зрения?

Под старчеством мы понимаем особую аскетическую практику духовной жизни. Эта практика сводится к воспитанию, окормлению более опытным монахом новоначальных иноков. Формами такого окормления в разное время были: письменное или устное исповедание помыслов, долгое совместное пребывание старца и ученика и так далее.

Важно обратить внимание на то, что старчество существует в ряду других аскетических практик, — молитвы, поста, бдения, чтения Священного Писания и аскетической литературы и так далее. <...> Старчество сопутствовало русскому монашеству на протяжении всей его истории. Мы можем увидеть определенные указания на эту практику и в Киево-Печерском патерике, и в житии Феодосия Печерского, и особенно в житии Сергия Радонежского, написанного Епифанием Премудрым. Здесь прямо говорится о том, что племянник Сергия Федор исповедовал ему свои помыслы, движения своей души — то есть Сергей выступал как старец для Федора и, видимо, для остальной братии. Но в условиях кризиса монашества XVIII — начала XIX веков в упадок приходят все аскетические практики, и возрождение русского монашества, русской аскетической традиции очень часто связывается именно с возрождением русского старчества.

Почему русскому старчеству в XIX столетии придается такое важное значение? Чем объяснить такое распространение славы о старцах среди верующего православного русского народа?

Отвечая на этот вопрос, мы должны склониться к тому, что да — старчество и было привнесено на Русь учениками преподобного Паисия, например, старцем Федором

Свирским, который был учителем основателя старческой школы знаменитой Оптиной пустыни Льва Оптинского (Наголкина). Однако при этом старчество вместе с другими аскетическими практиками возрождалось и в самой России. Свидетельством существования духовного руководства среди монашества в самой России являются, например, труды преподобного Зосимы Верховского. Его «Поучение о послушании» подробно описывает, как должна вести себя послушница по отношению к руководителю. И это «Поучение о послушании» он адресует собравшейся вокруг него небольшой женской монашеской общине. При этом Зосима, даже если он поддерживал определенные связи со школой Паисия, должен рассматриваться не столько как его ученик, сколько как его собеседник. Таким образом, рост значения старчества является важным признаком вообще возрождения монашеской культуры в России, которое происходит как раз в первой половине XIX столетия.

О народном характере русского старчества — достаточно прямо говорит собственно основатель старчества в Оптиной пустыни старец Лев Оптинский. Когда священники Калужской епархии упрекают его: почему он возится с крестьянами, с мирянами, а не с монахами, «забирает» у белых священников их хлеб, — он отвечает этим священникам, что да, это, наверное, ваше дело, но посмотрите, как вы их исповедуете: вы скажете им два слова и отправляете их на год, не вступая в какие-то личные отношения. К кому они пойдут с нуждами, со своими духовными потребностями? — Они идут в монастырь.

Мы видим, что расцвет «народности» русского старчества — это своего рода реакция верующих прихожан на достаточно глубокий кризис православного прихода, который возник в рамках государственной церковности, в рамках синодальной Церкви. И инициаторами этого подъема русского старчества являются сами верующие, устремившиеся за окормлением в монастыри. ♣